

лософии; «стиль» — из архитектуры, и т. д.), — для нас очевидна. Далее она нетерпима. Но лечения бывают палиативные и радикальные, в частности хирургические. Создание «Терминологического словаря по литературоведению» безусловно по своей идее — лечение палиативное. В такой науке, как литературоведение, нормативности быть не может.

Остается лечение радикальное, хирургическое. Не имеет ли нам смысла отказаться от понятия и термина «русский классицизм XVIII века»?

С одной стороны, потеряет ли что-нибудь от этого наше литературоведение? При нынешнем положении вещей, когда нет общепризнанного и научно-состоятельного определения понятия «классицизм», когда не ясно, дает ли оно что-либо существенное для понимания общественно-политического и специально-литературного значения художественных произведений XVIII в., отказ от пользования оспариваемым термином может огорчить, по моему мнению, только небольшую группу литературоведов, считающих, что в присвоении какому-нибудь литературному явлению «соответствующего» «изма» заключается смысл его изучения. Достаточно посмотреть, например, как трактуется советскими и зарубежными литературоведами творчество Державина: он и «классицист», и «преромантик», и «реалист», и «представитель русского барокко». Последнему из перечисленных литературных ярлыков особенно повезло в западном литературоведении в конце 50—начале 60-х годов: поэтом «русского барокко» называли Державина и Д. Чижевский, и А. Андял, и А. М. Рипеллино, и К. Риччо. Как мог оказаться исторически, — т. е. социально и культурно, — возможным в русской литературе «представитель барокко» на рубеже XVIII—XIX вв., этих литературоведов не интересует. Для них важно «торжество идеи», хотя бы и ложной. А объясняется ли своеобразие поэзии Державина всеми этими определениями?

С другой стороны, выгадает ли в чем-нибудь литературная наука от предлагаемого мною отказа? Мне кажется, что выгадает. Освобожденные от традиционного «гипноза слов», от различных внутренне противных «измов», литературоведы смогут — по крайней мере могли бы — изучать факты, явления и процессы художественного развития национальной литературы во всей их сложности, в аспекте традиций и новаторства, в их социальной обусловленности и в качестве факторов общественно-политической и литературно-эстетической жизни. Это нелегко, это очень трудно, но наука именно это, а не злоупотребление терминами «классицизм» и «барокко».

Я не настаиваю, а предлагаю подумать.

